

МАРК ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

СБОРНИК УПРАЖНЕНИЙ (РУССКИЙ ЯЗЫК)

ПОЭЗИЯ

Марк Зильберштейн

**Сборник упражнений
(русский язык). ПОЭЗИЯ**

«Издательские решения»

Зильберштейн М.

Сборник упражнений (русский язык). поэзия /
М. Зильберштейн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832229-7

Новая книга талантливого израильского русскоязычного поэта Марка Зильберштейна — это тщательно собранная автором подборка поэтических текстов, оптимально характеризующая его неповторимую индивидуальную поэтику и переживаемое всеми нами время.

ISBN 978-5-44-832229-7

© Зильберштейн М.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Юбилейные строфы	7
Соглядатай истории	7
«Есть память о несбывшемся – она...»	8
На смерть С. Герзона	9
Зрительные образы	10
Ночной пейзаж с путником	11
От первого лица	12
Тель-Авивский полдень	14
Календарь	15
Delonix Regia (*)	16
Paul Cezanne: мир и метод	17
Послание из будущего	18
Юбилейные строфы	19
Тексты, тексты...	21
«Как столешница – в бледных разводах —...»	21
Одна песенка, одна книга	23
Надпись на книге Эд. Радзинского	24
Анти-Кушнер	25
1. Нашенские поэты	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сборник упражнений (русский язык)

ПОЭЗИЯ

Марк Зильберштейн

Собранные здесь стихотворные опыты вряд ли бы появились на свет, если бы не благородная поддержка и сочувственное внимание трех моих терпеливых слушателей (по одному на каждую страну): Т. Садовской-Гордон в далеком Нью-Йорке, М. Карп в тоже неблизком Лондоне, А. Карабчиевского в соседнем Тель-Авиве и верной и, до самого последнего времени, единственной читательницы – моей дорогой жены Елены Бялик

Марк Зильберштейн

© Марк Зильберштейн, 2016

ISBN 978-5-4483-2229-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Марк Зильберштейн родился в бывшем Ленинграде в 1957 году. Закончил математический факультет Ленинградского пединститута им. Герцена. Работал в Библиотеке Академии наук. В Израиле с 1991 года. Живет в г. Холоне. Публикации в периодике: «Артикль», No.24 (Израиль), «Иерусалимский Журнал», No.53, «Слово|Word, No.84, «Стороны света», 16 (США).

В начале 80-ых посещал переводческий семинар Э. Л. Линецкой. Вот что считает нужным упомянуть в этой связи он сам: «Эльга Львовна была легендой, живым классиком, одним из столпов ленинградской школы перевода. Среди ее работ – Шекспир, Паскаль, Ларошфуко, Бодлер, Верлен, Пиранделло и многие великие, в стихах и в прозе. Она прививала своим питомцам ответственное отношение и любовь к слову, которым сама владела так, как, наверное, мало кто, даже в те времена. При этом давалось понять, что к одним словам все не сводится. Происходившее на семинаре, сама его атмосфера и люди, которых посчастливилось встретить и услышать, – все это оказалось важнейшим в моей духовной биографии. Через семинар прошли многие известные впоследствии переводчики и поэты, некоторые из них уже давно покинули и Питер, и Россию. Из моего состава – Елена Баевская, Иван Русецкий, Сергей Степанов, Елена Дунаевская, Мария Карп, озвучившая по-русски одной из первых, среди прочего, Дж. Оруэлла и великолепную Вирджинию Вулф, Ольга Мартынова и Олег Юрьев, Ирина Нинова, несправедливо рано ушедшая из жизни первая переводчица Гертруды Стайн на русский».

Юбилейные строфы

Соглядатай истории

Мы область призраков обманчивых прошли
К. Н. Батюшков

Из башни дней, не прожитых еще,
заглядывающий через плечо
той, что запишет повесть этих лет,
он видит хмурый, сумрачный рассвет,
песчаные холмы и облака,
пространство, выпитое в три глотка,
и путников, достигнутых бедой,
гонимых ужасом или нуждой.

И взгляд его, не знающий преград,
опережая нас на целый ряд
событий, устремится напрямиком
туда, где лег рубеж (иль Рубикон),
пройдя который, должно перейти
в иное качество, а по пути —
запомнить прежнюю, накоротке,
жизнь, что была синицею в руке.

Ноябрь 2008

«Есть память о несбывшемся – она...»

Александру Карабчиевскому

Есть память о несбывшемся – она
неотделима от пережитого
и в назидание сохранена.
В ней, как в смоле застывшей, – имена
и образы, один нежней другого.

Ты нынче вспомнишь всех наперечет —
и словно целое двадцатилетье
в воронку временную утечет:
река... и снег... и явственно влечет
к той девушке, которой нет на свете.

Мы расселились в странных городах:
они подобны прежним только небом —
и, в собственных запутавшихся годах
(о, да продлятся наши дни в трудах!),
грустить ли нам о том житье нелепом?

И если вдруг знакомая черта
проглянет в людях, что повсюду схожи,
очередную ложку мимо рта
достойно нужно пронести, без дрожи.
Ведь эта дверь надежно заперта,
и в наше прошлое они не вхожи.

Январь 2009

На смерть С. Герзона

И дни прибавились, и годы приросли:
прошел, как облако, апрель медоточивый.
Мы в одиночестве, мы – на краю земли.
И сражены внезапной перспективой.

Мы вмиг состарились – лишь начинали жить;
и время, и страна – все вдруг переменялось,
а то, чем искренне хотели дорожить, —
химера или утраченная милость.

За сочетанием знакомым «прошлый век»
стоит наш собственный, регалий не имея...
Казенный плакальщик, наемный человек,
просил за нас прощенья у Сергея.

Он мудр по должности и скажет обо всем.
А мы беспомощны: как осознать такое!
Кто мы? Откуда мы? И что в себе несем?..
Не будет нам ни мира, ни покоя.

Ушедшие от нас прекрасны навсегда.
Как в мифах греческих, их молодость продлится.
Но дней растянутых глухая череда
черты стирает, сглаживая лица.

Из века прошлого разбитый тарантас,
идем в небытие, обрюзгли и сутулы.
Ушедшие от нас опередили нас.
Их лбы чисты, и безупречны скулы.

Июнь 2009

Зрительные образы

Чужая жизнь дразнила и влекла,
и, на себя их внешность примеряя,
я в них гляделся, словно в зеркала,
ничем себя от них не отделяя.

Высматривая стройных, молодых,
касясь их своим несатым взглядом,
я был не с ними, а – одним из них,
и числился по спискам где-то рядом.

Как долго это длилось? Был ли срок
отпущен мне на праздные слиянья?
О неизжитый юности порок:
я времени не чувствовал дыханья!

Ведь никого Всевышний не отверг.
Что – судьбы мира, корчи государства?
Я знал во вторник, что грядет четверг,
а в пятницу окончатся мытарства.

Так было... Но потом возник провал:
я вдруг утратил навыков начатки
и больше их уже не узнавал —
вчерашних раздражителей сетчатки.

Их контуры размыты с неких пор:
разрушился состав старинных масел,
и встроенный оптический прибор
пропорции их лиц обезобразил.

Декабрь 2009

Ночной пейзаж с путником

Человек исчез – как не бывало:
он спешил к невидимой черте,
и молитвенное покрывало,
белое, мелькало в темноте.

Мягкие на ощупь тамариски
закрепляли спящие пески.
Редких звезд серебряные брызги
помечали купола куски.

Небо чуть светилось, колыхалось
над неровной кромкою холмов:
за грядую шевелился хаос —
первобытный, из других миров.

Мой собрат пошел общаться с Богом.
Деревца оставив на ветру,
он бредет сейчас зеленым логом...
Что предстанет таковым к утру.

Январь 2010

От первого лица

В последний раз от первого лица
я говорил тому лет двадцать пять,
да и тогда, наверное, смущался.
Сегодня же, в предчувствии конца,
пускай нескорого, хочу сказать:
я рад, во-первых, что перемещался

не по одной лишь – временной – оси,
что дочь моя имеет в жизни цель
и ладит с обстоятельствами места:
она, представьте, дело на мази, —
без трех минут армейский офицер!
И сам я, как-никак, – отец семейства...

В вечерних новостях – сплошной комплот:
угрозы, козни мировых держав,
что продают единоверных братьев,
у берегов страны – турецкий флот!
И худшего (как будто) избежав,
мы уступаем,.. честь свою утратив.

Почти лишенная ручьев и рек
полоска суши лепится с трудом
на карте мира где-нибудь на врезке.
Едва пустивший корни имярек
здесь узнает, что стал для всех врагом, —
он самоощущает по-еврейски.

Весь край перевоеван от и до,
о чем и камни рассказать могли б
в сухих садах с добавкой олеандров:
великий фараон у Мегиддо,
у стен столицы сам Синаххериб,
а позже – Кир и пара Александров.
Последний был из наших: иудей.
Фамилия его была Яннай.
Народ его не полюбил – за вредность.
Он перерезал множество людей
(из тех, кому он не сказал: «Канай
отсюда на хрен»). Такова конкретность

творящихся – или творимых – дел...
Смотрю навстречу завтрашнему дню,
слегка оскалив сточенные зубы.
Я в настоящем что-то проглядел.

А этот... заберет мою родню,
и все его поползновенья грубы.

16 июня 2010

Тель-Авивский полдень (Улица Игала Алона)

Дома циклопической кладки.
Деревья тропической складки —
просторные, как веранды,
узорные жакаранды.

И полдень июля, похожий
на прочие, выбелит плиты;
смягчен левантийскою ленью,
замедлит каленые стрелы.
Обтянуты смуглою кожей
конечности, полуприкрыты;
готовые к совокупленью,
все особи половозрелы.

И в полдень, под купами сада,
где ящериц брачные игры
и так ветерок обдувает
под сенью широкой оливы,
пластами слежалась прохлада,
все беды – бумажные тигры,
и лучше едва ли бывает...
Запомнится день как счастливый.

Июль 2010, Тель-Авив

Календарь

Памяти Е. М. Б.

В средней комнате все посвящалось другому;
был продуман предметов порядок и строй.
Утерявшие сущность и впавшие в кому,
эти вещи не могут общаться с тобой.

Пузырьки и термометры, зубы в стакане,
фотографии, перечни дел и забот,
прилежавшие к телу носильные ткани —
принимавшие форму, впитавшие пот.

Как печально предмета тщедушное тельце!
Как печальна должна быть предмета душа:
прослужил столько лет – и лишился владельца.
Как болезненна память, покуда свежа...

Он висел в изголовье хозяйской постели,
прикрепленный умелой хозяйской рукой.
Во дворе поливалки и птицы свистели,
как всегда стрекотали с утра день-деньской.

Голубой, точно карта, что, вместе с буссолью,
позволяет рассчитывать правильный курс,
восхваляя цыпленка с зеленой фасолью,
календарь безошибочно вычислил вкус.

В двух шагах от весны – самой поздней зимою —
он докладывал четко, как бравый солдат,
что приходится Пурим на двадцать восьмое,
и на том обрывался границею дат.

Был конец февраля, середина адара;
по оврагам мимозовый плыл аромат.
И висел календарь – очевидец удара.
И в окне кипарис был высок и космат.

...Ты идешь по когда-то знакомому дому,
в непривычно-привычной его тишине.
В средней комнате время течет по-другому,
и система отсчета висит на стене.

Сентябрь 2010

Delonix Regia (*)

() делоникс королевский (лат.)*

Еще играли гребни алой пены
на августейших изумрудных кронах
могучих выходцев с Мадагаскара,
но осень, чьи успехи постепенны —
во множестве процессий похоронных —
ждала как неминуемая кара.

Под широчайшим плоским балдахином,
оберегающим покой монарший,
редел и уходил в прорехи сумрак,
и оставалось в кодексе старинном,
вобравшем жизни столько персонажей,
страниц с раскраской – ровно на полсуток.

Лист—папоротник отделял двойчатки
и осыпался золотой тесьмою,
подготавливая почву для итога;
и комкались пунцовые початки,
а лепестки с пурпурною каймою
белели, как сенаторская тога.

Но исполинских тел и сухожилий
упрямой мощи вовсе не ослабил
тот, кто задумал их лишить регалий.
И, обнажив клинки зеленых сабель,
клялись деревья, что умрут – как жили...
А под землей их корни пролегли.

Ноябрь 2010

Paul Cezanne: мир и метод

Тому, кто умирал, а жил – внезапно,
кто чудом был избавлен от гарроты,
природу мира (или мир природы?)
дано постичь по методу Сезанна.

Глаз, убажам цветом, замечает
торжественную грубость очертаний.
А дальний план очищен от мечтаний.
Незыблем. Плоск. Суров. И не мельчает.

Вид голых скал, палимых в полдень душный,
и хвой вечно—зеленые мотивы —
объемный мир, лишенный перспективы —
линейной, временной или воздушной.

Единым образом – пусть многолико,
но в равноденствии, в солнцестоянье —
все отстоит на равном расстоянье,
равно достойно и равновелико.

Декабрь 2010

Послание из будущего (Становление небытия)

В прикупленные метры под плитой,
по нашему обычаю, без гроба,
его уложат. Ставшая вдовой
теперь, как говорят, лишится кровя.

Покойник оказался молодцом —
фламандский тип, душа мужского клуба:
в прочувствованной речи над отцом
сын описал его как жизнелюба.

Слова чтеца ложились важно в пыль,
как болеутоляющие капли.
Возможность смерти претворилась в быль.
Лопаты и кладбищенские грабли

обыденное дело довершат,
продолжив ровный ряд могильных грядок.
Кладбищенские метлы прошуршат
в поселке мертвых, ценящем порядок...

Привычный круг, привычный обиход.
Ты сам еще не сед, в дугу не согнут.
И все же дней неуследимый ход
подсказывает: этот круг разомкнут.

Здесь выпадения знакомых лиц,
«известных» лиц упавшие личины
и факты, что от скверных небылиц
неотделимы... и неотличимы.

Произнесешь обычные слова —
в них слышен шум чужих, фальшивых дикций...
Прошу вас, зачитайте нам права:
мы на пороге новых экстрадиций!

Фрагментом неземной (пока ты жив),
еще аморфной, сущности костлявой
из будущего вышел этот шип —
твой выговор, глухой и шепелявый.

Март 2011

Юбилейные строфы (Как этот день)

Е. В. Бялик

Пылал – и становился пеплом;
истлев, пропал за горизонтом.
Спешил он вслед собратьям беглым,
сгоревшим так же нерезонно.

И вот: на темном небосводе
мерцают хрупкие частицы,
и роль исчезнувших в природе —
присутствуя не возвратиться.

Великая библиотека!
Соблазн для нашей мысли тленной! —
вдруг разменявшие полвека
мы смотрим в прошлое вселенной...

Следя за точкой сигареты,
за облачком, за струйкой дыма,
ты не услышишь стук кареты:
грань времени непроходима.

И так растительно—бездумно
из неизвестного предела
под покровительством Вертумна
течет изменчивое тело.

Оно проходит сквозь пороги,
невластное в своем теченье,
но в срок, как римские дороги,
свое исполнит назначенье.

С неумолимостью закона
его уносит в бессловесность.
Сейчас. Как и во время оно.
Из невесомости – в безвестность.

Из праха – снова в бестелесность.
Из сада – в голую безлесность.
И от бесславья – в бессловесность,
и от беспаятства – в безвестность.

Вот так, растительно—бездумно,
течем и пропадаем в устье,

под покровительством Вергумна
живя и старясь в захолустье.

Май 2008

Тексты, тексты...

«Как столешница – в бледных разводах —...»

*Я рисую лесную шишигу
Для тебя на заглавном листе.*

Б. Пастернак

Как столешница – в бледных разводах —
ненавязчивый мрамор небес.
Утомившись в «дневных» переходах,
ты вступаешь в реликтовый лес.

Низкорослый, испачканный сажей,
погорелец, калека навек!
Это, мастер весенних пейзажей,
изувечил его человек.

Отступая под натиском свалок,
как под натиском варварских орд,
полуголый ландшафт полужалок,
обречен, но еще – полугорд.

Красновато—свекольные травы —
как подтеки по скатам холмов;
станут бурыми, нынче кровавы,
затопили его до краев.

Раздавив муравья ненароком,
ты участвуешь в похоронах...
Через балку, заросшую дроком,
поднимись, как буддийский монах,

на вершину и, глядя оттуда,
в стороне от гудящих шоссе,
тамарисков зеленое чудо
ты увидишь в неброской красе.

И тогда, принимая как данность
этот день и песчаный увал,
ты прошепчешь тому благодарность,
кто шишигу шишигой назвал.

За нешуточность слова, за штучность,
за добытую из пустоты
пресловутую единосущность

с тварным миром, что смертен как ты.

17 Мая 2009, Холон

Одна песенка, одна книга

И. А. Ниновой

Удобно ли тебе в твоих сабо —
качаться в них, выстукивать шаги
по улицам — и быть самой собой?
А я хотел бы для твоей ноги
стать башмачком, как в песенке одной.

Пойми: ты мною вымечтана, твой
прекрасный образ, — так он и возник,
загадочный, изменчивый, живой, —
я ничего не вычитал из книг...
Ну разве, может, только из одной:

ведь ты меня ласкаешь, о сестра,
невеста, сколь любезна мне твоя
скупая ласка! Как же ты добра!
Я твоего сладчайшего питья
не стою. Как Мухаммеда — гора.

Во время наших неурочных встреч,
когда я на тебя не нагляжусь,
я слышу голос, вслушиваюсь в речь —
и, господи, ведь я тобой горжусь!
И это все мне суждено сберечь

в долинах памяти, в ее садах,
где ты идешь и легкою стопой,
едва касаясь, попираешь прах
прошедшего и шелестишь листвою...
в долинах памяти, в ее садах.

1984, Санкт-Петербург

Надпись на книге Эд. Радзинского (Их имена в названьях улиц)

Вполне туманны представленья наши,
ошибочны подчас и неточны,
и все известнейшие персонажи
нам, по большому счету, неясны.

Непризнававшие вины Засулич
или Желябов, или Петр Лавров —
все те, чьи «имена – в названьях улиц»,
еще отменных наломают дров.

Их речи, неразлучные с делами,
«пленият воображение юнцов».
Потом «из искры возгорится пламя»,
не пощадив ни хижин, ни дворцов.

Увековечен будет разрушитель:
повсюду гордый след его геройств.
А где же бедный царь—освободитель?..
Не здесь ли корень наших неустройств?

2008

Анти-Кушнер

*...Пастернаку вкуса
Не достает: болтливость – вот порок.*

Мне приснилось, что все мы сидим за столом...

*Какое счастье – даже панорама
Их недостатков, выстроенных в ряд!*

И Заболоцкий в сердце скуповат...

А. С. Кушнер

1. Нашенские поэты

Конечно, Вознесенский нетактичен.
Частенько Евтушенко был фальшив.
Рождественский, хоть и... т-телегеничен,
умом и сердцем – беззаветно лжив.
Его холуйство всякому противно:
сервильность – непростительный изъян
в поэзии, и, если объективно, —
Егор Исаев... тот бывал и пьян.
И стиль Егора, ох, не лапидарен!
Вторичен Тряпкин, Друнина скучна.
Ю. Кузнецов и вовсе бестиарен:
из черепа папаши пил до дна.
Надменный Дудин был отменно нуден...
Поэтов много, выстроенный ряд
подсказывает нам, что неподсуден
из них лишь тот, о ком не говорят.
А сколько кляуз перло из журнала,
в котором... Анатолий Парпара!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.